

К Э Р О Л Г У Д М Э Н

Греция. Писательский ретрит. Жажда мести

ПИСАТЕЛИ И ЛЖЕЦЫ

НА ЧТО ОНИ ГОТОВЫ
РАДИ ВДОХНОВЕНИЯ?

18+

Высокое напряжение

Кэрол Гудман

Писатели и лжецы

«Азбука»

2025

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

Гудман К.

Писатели и лжецы / К. Гудман — «Азбука», 2025 — (Высокое напряжение)

ISBN 978-5-389-33599-8

«Писатели и лжецы» – взрывная смесь греческой мифологии и классических английских детективов. Роман, в котором блаженное пребывание в писательской резиденции превращается в жестокую игру на выживание. Когда-то Майя Голд хотела стать писателем и даже участвовала в престижном творческом семинаре, организованном таинственным миллиардером на греческом острове Эрис. Там она написала свой первый роман, которому пророчили статус бестселлера. Но на этом живописном острове также случилось то, что Майя была не в силах простить и забыть. Пятнадцать лет спустя Майя Голд вновь получает приглашение на Эрис. Она понимает, что среди участников будут и другие писатели из того рокового ретрита. А значит, у нее есть шанс на примирение... или на месть.

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-33599-8

© Гудман К., 2025

© Азбука, 2025

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	10
Глава третья	16
Глава четвертая	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Кэрол Гудмэн Писатели и лжецы

Carol Goodman

Writers and Liars

Published by arrangement with William Morrow, an imprint of HarperCollins Publishers.

Дизайн обложки Валерии Кольшевой

© 2025 by Carol Goodman All rights reserved.

© Яковлев А., перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

* * *

Посвящается моей дочери Мэгги

Глава первая

Увесистый конверт, выпав из прочей почты, с глухим стуком приземляется на мой стол. – БО. ЖЕ. МОЙ! – торжественно произносит моя помощница Дженнер. – Это же приглашение от самого Аргоса Александра?

Я смотрю на этот тугой конверт кремового цвета. На лицевой стороне от руки каллиграфическим почерком выведено мое имя; в правом углу – греческая почтовая марка с изображением мраморной богини. Обратного адреса нет. Я переворачиваю конверт. Пальцы невольно задерживаются на плотной дорогой бумаге, на ощупь похожей на кожу холеного животного. С обратной стороны на меня смотрит глаз, голубой, как Эгейское море. Это *мати* – талисман от дурного глаза. Берегись зависти, предостерегает он. Но я давно победила в себе зависть. Я вышла из гонки много лет назад.

– Он точно такой же, как в «Тик-Токе» у Аники Грир! – взвизгивает Дженнер.

Подняв взгляд на Дженнер, я вижу, что она уже достала свой телефон. Прокрутив ленту постов, она тычет мне в лицо экран раньше, чем я успеваю сказать: «Нет, я не хочу видеть, что там Аника Грир делает в “Тик-Токе”. И вообще нигде. И никогда». Но поздно. Вот она, Аника, как всегда красивая, все те же длинные рыжие волосы и челка до бровей, все те же большие голубые глаза. Она держит в руках такой же, как у меня, конверт и машет им перед камерой. Потом исполняет небольшой танец с декоративным ножом для вскрытия конвертов и, наконец, использует его по назначению таким решительным движением, как будто совершает ритуальное жертвоприношение. На миг я представляю себе, как Аника при этом порезалась и из руки ее хлещет кровь.

«А зависть-то, похоже, еще жива», – произносит тихий голосок у меня в голове.

Ролик заканчивается, но содержимое конверта не показано. Появляется лазурного цвета надпись: *#Я счастлива, что мне предоставили такую возможность. #Благодарение Великой Богине!* Засим следует череда эмодзи: молитвенно сложенные ладошки, полумесяцы, солнышки и множество разноцветных сердечек.

– Это, должно быть, приглашение на его остров, на Эрос! – Дженнер хлопает в ладоши. – Вы ведь там уже бывали когда-то? Когда были писательницей?

Когда-то, когда я была писательницей. Я улыбаюсь Дженнер и замечаю на ее лице незнакомое выражение. Она студентка, с сентября прошлого года подрабатывала моей помощницей и проявила себя вполне надежной сотрудницей, не считая нескольких простуд и одного слезливого периода, когда от нее ушел парень. Несмотря на то что ее специальность – цифровые медиа, а мы здесь, во вверенном мне университетском Музее античности, занимаемся технологиями исключительно низкими, Дженнер выказывала вежливый интерес к работе и проявила достаточно интереса ко мне лично, чтобы запомнить, какой кофе я предпочитаю (заварной, на цельном молоке, без добавок) и что я терпеть не могу грамматических ошибок в исходящих электронных письмах. Однако до сей поры мне не приходилось видеть, чтобы она так на меня смотрела. Так, словно я на самом деле VIP-персона. Как будто мне можно в чем-то позавидовать.

– Остров называется не Эрос, а Эрис, – поправляю я. – В честь богини Эриды. Эрос – бог любви. Эрида – богиня раздора. Это она подбросила золотое яблоко на свадьбу Пелея и Фетиды... – заметив, что взгляд Дженнер поскуучнел, я прибегаю к наглядному пособию и указываю на большой постер на стене за ее спиной. Там изображен главный экспонат нашего музея – чернофигурная Свадебная ваза седьмого века до нашей эры. – Видишь вон ту страшную крылатую женщину с яблоком в руках? Это Эрида. Она обиделась на то, что ее не пригласили на свадьбу, и подбросила на пиршество золотое яблоко с надписью: «Прекраснейшей». За яблоко вступили в спор Гера, Афина и Афродита и попросили Париса решить, кто из них

прекраснее, а Афродита подкупила его, предложив в награду Елену, из-за чего началась Троянская война... – Заметив, что снова теряю ее, я добавляю со вздохом: – Да, я ездила на Эрис на писательский семинар, но это было очень давно, пятнадцать лет назад. Там я написала свою первую книгу.

Когда-то, когда я была писательницей... Так вот почему Аргос пригласил меня и Анику – в честь этой годовщины? Не значит ли это, что он позвал *всех*, кто был тем летом на острове?

– Значит, он точно опять приглашает вас на Эрос! – с энтузиазмом подхватывает Дженнер, явно пропустив мимо ушей мою лекцию по греческой мифологии. – Я читала, что он приглашает художников и писателей, которых считает способными создать шедевр. Ведь Аника Грир была там одновременно с вами? А еще этот автор исторических детективов, который вам так нравится? А вы что, не собираетесь открывать конверт?

Я смотрю вниз, на голубой глаз, и вспоминаю голубые глаза Аники – как они распахиваются, когда она удивляется, восхищается или растрогана. Удивится ли она, узнав, что я тоже получила приглашение? Не испытает ли толику... ревности?

– Не сейчас. И – нет! – Взмахом руки я останавливаю Дженнер, прежде чем та успеваешь высказать просьбу, которая вертится у нее на языке. – Я не хочу, чтобы ты снимала видео, как я открываю конверт. Похоже, ваше поколение действительно не понимает, что это такое – получить письмо! Кроме того, даже если это приглашение, у меня нет никаких оснований его принимать. Потому что я больше не писатель.

Дженнер взирает на меня в полном изумлении.

– Но если Аргос Александр приглашает вас на свой остров, значит, он так не считает! И вообще, у него же просто роскошная вилла!

Перед моим мысленным взором, как видео из какого-нибудь тревел-блога, встают белоснежные стены на фоне голубого неба, террасы, увитые жасмином и бугенвиллеями, серебристые оливковые рощи, колышущиеся на морском ветру, и аквамариновые гроты. Что-нибудь подобное могла бы запостить у себя в «Тик-Токе» Аника.

– Да, – отвечаю я. – Это самое красивое место на Земле. А теперь принеси мне, пожалуйста, годовой финансовый отчет. Сегодня до четырех я должна представить его ректору Хьюберту.

Остаток дня я провожу, разбираясь с расходами и пытаюсь придумать, как продлить дни Музея античности при ограниченном бюджете. Я отсылаю отчет, и через полчаса ректор появляется в моем кабинете. В этом нет ничего хорошего, но и ничего удивительного. Пожертвования в фонд музея сокращаются, а расходы растут. Интерес к античности снижается. Пять лет назад отделение античной литературы вошло в состав отделения сравнительной литературы. На помещение музея на верхнем этаже старого корпуса положил глаз факультет цифровых медиа, и администрация предложила нам перенести экспозицию в подвал библиотеки.

– Если вы по поводу бюджета, то у меня есть несколько идей, как можно сократить расходы.

– Майя, я пришел поговорить не о бюджете, – произносит Филип Хьюберт, усаживаясь в старое кожаное кресло по ту сторону стола.

– А о чем ты хочешь поговорить? – осведомляюсь я, неловко пошевелившись на стуле, который тут же издает сердитый скрип. Стул такой же древний, как некоторые из наших экспонатов, но я не осмеливаюсь попросить новый.

– Говорят, Аргос Александр сзывает своих агнцев в родные пенаты...

– На заклятие, – не удержавшись, добавляю я.

– В прошлый раз все закончилось не так уж плохо. Разве не он положил начало твоей карьере?

– Как лицо Елены, Аргос Александр положил начало тысяче карьер. – Мне хочется прибавить, что Аргос даже меньше, чем Елена Прекрасная, заботится о траектории этих карьер,

пуская своих питомцев в свободное плавание, но тогда вышло бы, что я виню его в том, что разбилась о скалы, отплыв с Эриса. Однако я знаю: мне некого винить, кроме себя самой.

– В твоём обществе, Майя, я всякий раз убеждаюсь в достоинствах классического образования. Твой отец гордился бы тобой.

Мой отец, бывший директор этого музея и преподаватель античной истории, сказал бы, что сравнение с Еленой было банальным и что я могла бы придумать что-нибудь более оригинальное.

– Итак, надо полагать, ты тоже получила приглашение. – Покончив с комплиментами, он переходит к делу, при этом наклоняется и небрежно попирает локтями страницы лежащего на столе годового отчета. – Я видел, что приглашена твоя давняя подруга Аника Грир...

– И ты, Филип? Никогда бы не подумала, что ты такой фанат «Тик-Тока».

– У меня в «Гугл-Новостях» включено оповещение обо всем, что касается Аргоса Александра и остальных наших самых щедрых жертвователей, а кроме того, мне понравилась та книжка, которую написала Аника...

– Да, я получила приглашение, – бросаю я, стараясь не поддаваться на провокацию, хоть меня и дразнят Аникой в моем собственном кабинете. Причем дразнят ее первой книгой, где выведена неприятная героиня по имени Фрейя, во всем послушная своему отцу – профессору медиевистики, – более чем прозрачный намек на меня.

– А! – Филип откидывается назад и сцепляет пальцы, словно мы играем в шахматы и я только что сделала ход ферзем. «Никогда не поддавайся на провокации, – говорил мой отец. – Самая опасная из ловушек – тщеславие». – Когда едешь? Если нужно, могу организовать грант на поездку, а в музее, я уверен, сейчас не так уж много...

– С чего ты взял, что я согласилась? Почему я должна все бросить и мчаться на его зов?

– И что конкретно тебе пришлось бы бросить?

У меня кровь приливает к щекам.

– Я работаю над книгой... – говорю я, с чувством неловкости вспоминая пылящуюся дома на столе рукопись. «Работаю» – это, наверное, было громко сказано.

– Вот там и допишешь, – парирует Филип. – Ведь этот остров, если не ошибаюсь, считается обителью муз?

– Ошибаешься, – огрызаюсь я, устав от всеобщего непонимания. – Музы обитают на горе Парнас. Остров назван в честь Эриды – богини раздора, злобной стервы, которая любит пробуждать в людях самые дурные качества. Ее остров не самое счастливое место. – На мгновение мне вспоминается моя комната на Эрисе: белые стены, вид на море и стол из оливкового дерева, усыпанный ракушками. – Так с какой стати мне снова туда ехать?

– А с такой, – произносит Филип, ничуть не смутившись моим уроком мифологии, и достает из кармана хрустящий конверт с глазом *мати* на марке. – Аргос Александр написал мне, что подумывает о значительном пожертвовании нашему Музею античности. Он с нетерпением ждет возможности обсудить с тобой этот вопрос на острове.

Так он с самого начала знал, что я приглашена.

– У нас есть и другие спонсоры... – бормочу я. – Можно еще урезать расходы...

Филип пожимает плечами и поднимается из кресла.

– Ну как хочешь. Но если к концу лета вы не наберете средств на музей, я буду вынужден поставить вопрос о закрытии вашей лавочки.

Задержавшись в дверях, он оглядывается и добавляет:

– Говоря откровенно, Майя, разве это не самый лучший выход для тебя лично? Когда твой отец заболел и ты решила нам помочь, мы все были благодарны, но это же было временное решение. Мне все время кажется, что музей помешал тебе писать. Может быть, поездка на Эрис – это именно то, что тебе нужно.

Он исчезает прежде, чем я успеваю ответить, и это к лучшему. Хотелось бы поверить в сочиненную им историю – примерная дочь откладывает карьеру, чтобы ухаживать за больным отцом и продолжить его дело, – но я-то знаю, что это все ложь.

После ухода Филипа я провожу полчаса, приводя в порядок стол и занимаясь рутинными делами конца учебного года. Дженнер просила написать ей рекомендацию на осеннюю стажировку, что я и делаю с искренним энтузиазмом. Не сомневаюсь, что ей больше подойдет работа в нью-йоркской рекламной фирме, чем среди пыльных экспонатов музея. Отправляя документ по почте, я с удивлением ощущаю в душе боль разлуки, но списываю это на грядущую необходимость обучать нового студента из «поколения Z» грамоте и объяснять, какой кофе я люблю.

Дженнер уже ушла сдавать экзамен, так что я в музее одна. Обычно мне нравится побыть в конце рабочего дня в наших выставочных залах, но сегодня рамы высоких окон отбрасывают мрачные длинные тени на старые деревянные полы, а в обрамленных тенями лучах предвечернего солнца висят пылинки, похожие на застывших в янтаре мух. Шагая сквозь них к выходу, я сама ощущаю себя музейной реликвией, залитой в янтарь для сохранности. Маленькие глиняные танагрские статуэтки приветственно приподнимают свои четырехугольные шляпки, а древняя статуя Персефоны лукаво улыбается мне, словно хочет сказать: «Ты одна из нас. Берегись – или сама окажешься в подвале».

У аттической чернофигурной амфоры, известной под названием Свадебная ваза – потому что на ней изображена свадьба Пелея, смертного человека, и морской нимфы Фетиды, – я задерживаюсь и внимательно смотрю на крылатую фигуру Эриды, готовой бросить в толпу яблоко с надписью: «Прекраснейшей». Гера, Афродита и Афина уже насторожились, они полны решимости сразиться за эту честь – как домохозяйки, повздорившие из-за платья в модном магазине, пошучивал мой отец, читая лекцию об этой вазе. Затем, посерьезнев, добавлял: «Но бывает такая борьба, которая, по словам Гесиода, побуждает к труду даже бездельников и полезна для мужей». После чего рассказывал историю, как во время медового месяца в Швейцарии он нашел первый осколок вазы и как потом, решив в память о любимой и рано ушедшей жене собрать Свадебную вазу раньше, чем это удастся кому-либо еще, исколесил весь мир в поисках остальных фрагментов. Лекцию он заканчивал словами: «Порой небольшая конкуренция подталкивает нас к значительным поступкам».

Косой луч света падает на вазу, выхватывая из тени стрелу в руке Эриды, и мне видится Аника, танцующая с канцелярским ножом.

А порой, думаю я, отворачиваясь от богини, небольшая конкуренция толкает нас на поступки ужасные.

Глава вторая

Дома я швыряю приглашение на письменный стол, прямо на незаконченную рукопись романа, которая покоится посреди россыпи разных предметов: пресс-папье из муранского стекла, набор разнокалиберных морских раковин, бесформенный кусок мрамора – музейные экспонаты, следы некой исчезнувшей цивилизации. В конце концов, думаю я, это приглашение утратит свою силу, как все коснувшееся моего стола.

Выходные я провожу на занавешенном балконе, читая очередную книгу Клайва Дэвиса – «Пифагор проходит Лабиринт». Тот самый «автор исторических детективов, который вам так нравится». Только Дженнер немного напутала. На острове со мной был не автор детективов Клайв Дэвис, а его сын – Йен Дэвис. Но она права в том, что мне нравятся его книги. Здесь местом действия служит дворец микенской эпохи, построенный на острове над сложным лабиринтом. В конце первой главы молодую женщину, лежащую на алтаре, на глазах у всех прямо в сердце пронзает стрела. Перед Пифагором стоит задача вычислить точку, из которой была выпущена стрела, и таким образом найти убийцу. Довольно увлекательная головоломка, с диаграммами, картами местности, набором подозрительных типов и живописных пейзажей.

Зачем ехать куда-то на греческий остров, если у меня здесь есть свой?

Но тут мне звонит Диана, мой литературный агент.

Я называю ее своим литературным агентом, хотя она уже много лет не выполняет эту роль. Теперь у нее роль подруги и придиры.

– Ты почту разбирала? Получила письмо? – произносит она скрипучим, как у кинозвезд сороковых годов, голосом.

– Нельзя ли поточнее? У меня тут уйма всякой почты: каталог магазина походной одежды, свежий номер «Нью-Йоркера», вызов в суд как члена жюри присяжных...

– Приглашение на Эрис, – прерывает она мой скорбный перечень. – Аника Грир похвасталась в «Тик-Токе», что ее туда пригласили.

Она подписана на Анику, вот предательница!

– Ты же знаешь, я ушла из соцсетей много лет назад и с тех пор чувствую себя гораздо лучше.

– Да, это адский котел, – соглашается Диана, – но это наш котел, Майя. Я знаю, что в прошлый раз вышло не очень хорошо, но вот он, шанс вернуться в дело. Может быть, твоя подруга замолвит за тебя словечко...

Еще чего не хватало!

– Мне Аргос тоже прислал какое-то письмо... – наконец признаюсь я. – Вон оно, на столе валяется.

Я беру со стола конверт, чтобы убедиться, что я ничего не выдумала, и едва удерживаюсь от соблазна сообщить Диане, что за те два дня, которые это солидное изделие пролежало на столе, оно обзавелось коричневым кружочком от кофейной чашки и пятном от пролитого красного вина.

– Ага, ты тоже получила! Так я и знала! Ну и что там? Аника постеснялась показать, но я полагаю, что это приглашение от Аргоса Александра провести творческий отпуск на его острове с другими избранными авторами.

С другими избранными авторами. От удовольствия быть в числе избранных я чувствую прилив дофамина, но тут же подавляю в себе эту радость. По опыту знаю, какую зависимость вызывает это ощущение и какие жестокие ломки – утрата привилегий.

– Я его не открывала.

Воцаряется зловещая тишина. А ведь Диане не так-то просто заткнуть рот. Когда я сообщила ей, что действие моего второго романа должно будет разворачиваться за 11 тысяч лет

до нашей эры, она и то смогла выдать: «Что-нибудь в духе Мэри Рено?»¹ А когда редактор отверг эту идею, Диана сразу же позвонила мне и сказала: «Плохие новости, детка».

На сей раз она только через полминуты обрела дар речи:

– Может, все-таки откроешь письмо? Хотя бы ради меня?

Я вздыхаю:

– Я не могу туда вернуться.

– Ты даже не знаешь...

– Я не сомневаюсь, что это приглашение. Он любит собирать вокруг себя учеников. Как Иисус Христос.

– У него огромное влияние в издательских кругах, Майя. Достаточно лишь одного его слова, чтобы...

– Чтобы что? Чтобы кто-нибудь захотел переиздать мою старую книгу? Или ты надеешься, что, если я поеду на Эрис, тамошняя муза вдохновит меня и я напишу что-нибудь продаваемое?

Все это я выдала таким тоном, что самой тут же стало стыдно. Ведь Диана не бросила меня на произвол судьбы, когда большинство агентов перестали отвечать на звонки. К счастью, она толстокожая.

– Майя, если ты напишешь что-нибудь продаваемое, это будет здорово. Но я, честное слово, просто хочу, чтобы ты занималась таким делом, которое приносит радость.

– Не думаю, что этот богом забытый остров дарил кому-нибудь радость и счастье. Не забудь, что он назван в честь богини раздора. То есть буквально богини несчастья.

– Значит, ты не была счастлива, когда писала там свою первую книгу?

Зря она это спросила. На мгновение я снова вижу себя за столом из оливкового дерева в белой комнате, прохладной, как пещера, перед окном, за которым раскинулись голубое небо и еще более голубое море. Разрозненными листами бумаги играет ветерок, пропахший тимьяном и морской солью; слова бьют на бумагу струей, как вода из фонтана.

– Счастлива? – эхом повторяю я. – Я даже не уверена, была ли я собой, когда писала.

Закончив разговор с Дианой, я долго смотрю на конверт. Он смотрит на меня в ответ безотрывным леденящим взглядом горгоны Медузы. Только Аргос мог прислать приглашение с *мати* на конверте. Адресату должно хватить смелости его открыть. Но, в конце концов, это его манера расточать щедроты.

«Добро пожаловать на мой остров, подобный драгоценному камню в оправе Эгейского моря. Я подарю Вам красоту: виноцветное море Гомера, наполненные ароматом тимьяна тропы, вырезанные в известняке гроты и серебристые оливковые рои, где в сени мраморных святилищ приветственно кивают лики античных богов. Я дам Вам время, место и досуг, чтобы Вы обрели свою истинную сущность и исполнили свое самое сокровенное желание – написать тот шедевр, для создания которого Вы появились на свет. Однако, как и все дары богов, этот дар отягощен проклятием».

В двадцать два года я не устояла перед искушением, но тогда я не знала, чего стоит такое вдохновение. Во что обходится выход за пределы собственной личности. Что можно увидеть, взглянув в глаза своей истинной сущности. Теперь, конечно, содержимое конверта не будет иметь надо мной никакой власти.

К черту его!

Я раздираю его пальцами, как когтями, проигнорировав декоративный нож для вскрытия конвертов – Золотой Кинжал, награда за мою первую книгу. Из конверта, как моллюск из раковины, выскальзывает одна-единственная открытка. На ней в стиле античной резной надписи на мраморе отгиснуто черно-белое изображение лабиринта. Невольно начав отслеживать

¹ Мэри Рено – английская писательница, автор романов о Древней Греции. *Прим. пер.*

взглядом его запутанные повороты, я вскоре замечаю, что у меня кружится голова. Я поспешно переворачиваю открытку – края у нее такие острые, что я обрезаюсь. Вот, остров уже истребовал себе первую дань. Я сосу палец, чтобы унять кровь, и читаю:

*Приглашаем Вас на виллу Лавиринтос
на остров Эрис
в числе избранных творцов
для общения с Музами,
обретения Вашей истинной сущности
и создания шедевра, ради которого Вы и появились на свет.*

Для обретения Вашей истинной сущности. Я бы посмеялась над этим заявлением, если бы не знала, насколько оно верно.

В конце концов, к этому я и стремилась, когда подавала заявку на участие в писательском семинаре на Эрисе. Думала, это мой последний шанс стать писательницей, прежде чем я во исполнение желания отца получу степень бакалавра античности и стану по его примеру преподавать в университете. Как я могла признаться ему, что хочу стать писательницей, если творческая профессия моей матери фактически свела ее в могилу? Моим единственным желанием с девятилетнего возраста, то есть со дня смерти матери, было угодить ему, стать предметом его гордости и тем самым облегчить ему боль утраты. Я написала короткий набросок «Дочь профессора» и отослала на Эрис. Разве папа станет сердиться, думала я, когда узнает, что семинар проходит в горячо любимой им Греции, а с его директором он даже знаком лично со времен работы в Американской школе исследований античности в Афинах? Получив приглашение на семинар, я восприняла его как знак свыше, проявление воли богов, о которой древнеримские авгуры узнавали по внутренностям птиц.

Вопреки моим опасениям, отец не разгневался. Получилось даже хуже: он явно испугался. Испугался, конечно, того, что я, как мама, сгорю, служа искусству.

«Всего одно лето, – уверяла я. – Если не получится стать писательницей, осенью подам заявку на бакалавриат».

Но это было не просто лето, а другая вселенная. Едва ступив на Эрис, я почувствовала себя на родине мифов. Возникло ощущение, что со мной самой творится некая метаморфоза, как с Дафной, превратившейся в дерево, или Аретусой, ставшей родником. Я обрела там лучшую подругу, красивую и талантливую Анику Грир. Она не была похожа ни на кого, с кем я была знакома (и кто находил время для общения со мной); рядом с ней я чувствовала себя остроумной и оригинальной, как никогда. Я влюбилась в Йена Дэвиса, который понимал, что это такое – жить в тени властного отца. Благодаря им обоим я почувствовала, что могу стать тем, кем мне хочется, – писательницей, лучшей подругой, возлюбленной. Они придали мне отваги сесть за стол и написать роман, который давно рвался из меня на волю.

Когда я зачитала его вечером на террасе, окруженной статуями греческих богов – казалось, благосклонно внимавших, – Аргос объявил, что я удостоилась чести выпить из священного источника муз. Йен просто сказал: «Ты писатель!» Даже ветеран детективного жанра Оливия Нокс не устояла и, пусть с видимой неохотой, признала высокий уровень моего творчества. А одна из участниц семинара – робкая девушка, имя которой я позабыла, – смотрела на меня с такой завистью, что мне чуть не стало плохо. Однако, заметив искорку ревности в глазах Аники, я внутренне возликовала. Красивая, талантливая Аника Грир завидует моему успеху!

Тот взгляд должен был меня насторожить.

В последнюю ночь на острове, когда я, чуть опьянев от прощального обеда и от слов Аргоса, что во мне есть потенциал для создания великого произведения, сидела за своим письменным столом, добавляя завершающие штрихи к роману, с балкона под окном послышались голоса.

«Надо сказать ей», – это был голос Аника.

«Может, отложим на потом, когда уедем с острова? Это ее убьет», – ответил голос Йена.

Не обо мне ли речь? И что, по их мнению, может меня убить? Я поднялась из-за стола и осторожно прокралась на балкон. Моя комната находилась на нижнем этаже обращенного к морю фасада виллы. От причала по склону шла каменная лестница, разветвляясь к маленьким побеленным балконам, выбитым в утесах под виллой. На одном из таких балконов, расположенном прямо под моим, любила загорать Аника, потому что он переходил в маленький искусственный грот, устланный турецкими коврами и вышитыми подушечками. Аника, увидев этот грот впервые, сравнила его с сералем паши. А Йен окрестил его Гротом Муз за мраморную статую женщины с лирой в руках.

Я терялась в догадках, чем же там занимаются сейчас Аника и Йен. Когда я, сияя и испытывая легкую эйфорию от похвал, которыми меня осыпал Аргос, рассталась с ними на террасе, они ждали своей очереди на собеседование. Аника обещала, что после этого они зайдут ко мне. Почему же они вместо этого направились в грот? И каким известием они боятся меня убить?

Перегнувшись через парапет, чтобы окликнуть их, я вдруг увидела в лунном свете, как они придвинулись друг к другу и губы их встретились. Оцепенев, я пронаблюдала, как они исчезли из виду, удалившись в грот, полный ковров и подушечек.

Словно в трансе, я вернулась в комнату, села за стол и окаменела. Все лето я провела за этим столом, внимая музам и не замечая, как Аника берет реванш за мой литературный успех – крадет у меня Йена. Просто потому, что она может это сделать. И не может примириться с тем, что мне удалось написать хорошую книгу и обрести настоящую любовь.

Которая оказалась вовсе не настоящей.

Потом я перевела взгляд на черновик своего романа и поняла, что делать.

И вот теперь я смотрю на новое приглашение, лежащее на неоконченной рукописи. Убрать со стола рукопись мне мешал суеверный страх, хотя я годами к ней не притрагивалась. Убрать ее с глаз значило бы, что я отказалась от мысли закончить ее и пора заняться чем-то новым. Но чем? После той книги, которую я написала на Эрисе, мне не пришло в голову ни одной стоящей идеи...

«А вот если ты вернешься туда, то, быть может...» – шепчет в голове неведомый искуситель.

– Это не остров муз! – произношу я вслух. – Это остров той гадкой стервы, которая поселяет в душах зависть и подбивает твою мнимую лучшую подругу увести у тебя парня.

Я бросаю приглашение и конверт в корзинку для бумаг и ложусь спать. Однако, закрыв глаза, я вижу: голубоглазая красавица Аника в шикарном красном бикини ныряет в сверкающее голубое Эгейское море. Когда она выныривает, нельзя не заметить, что глаза у нее цвета моря. Мне показывают целый видеотчет пребывания Аники на острове: как она идет по горной тропе к развалинам какого-то храма, причем следом бредет Йен; как она по дороге срывает маки и вкладывает один из них Йену за ухо; как она зовет его поплавать вместе в подводном гроте в бухте на восточном побережье острова; как она втискивается между мною и Йеном за ужином, а потом на крыше виллы, когда мы поздней ночью любуемся созвездиями, которые я указываю и называю...

«Теперь, глядя на звезды, я буду всякий раз вспоминать эти места и вас обоих», – говорила тогда Аника.

Открыв глаза, я вижу медленно движущиеся по ночному небу звезды. «Может быть, я все-таки вернулась туда и могу что-то исправить?» – думаю я.

Потом звезды тускнеют. Проморгавшись, я обнаруживаю, что лежу в своей спальне и смотрю на звезды, которые мама нарисовала светящимися красками на потолке, когда я была еще маленькой. Краска неуклонно блекнет. Однажды эти звезды погаснут совсем, но сейчас,

подобно звездам, умершим миллион лет назад, они продолжают нести свет, напоминая мне слова покойной мамы. «Если тебе случится заблудиться, ищи путь по звездам», – говорила она и показывала кольцо, которое всегда носила на пальце. В кольцо была вделана древнегреческая инталия с рисунком, изображающим какое-то созвездие. По словам мамы, раньше эта инталия была частью серьги, но по заказу отца ее вставили в мамино обручальное кольцо – *чтобы созвездие помогало им найти друг друга*. После ее смерти отец передал кольцо мне. В надежде успокоиться я тру большим пальцем рисунок с созвездием, но тут же вспоминаю, что кольцо не спасло маму от потери самой себя в глубинах собственного расстроенного рассудка. Точно так же оно не может вернуть мне ту меня, какой я была до поездки на остров.

Наконец, отчаявшись уснуть, я поддаюсь соблазнительному, как голос сирены, зову соцсетей (я покривила душой, когда говорила Диане, что ушла из них) и захожу на страницу Аники – посмотреть, что она постит о своей будущей поездке на остров и кто ей ставит лайки. И вижу там все образы, которые преследовали меня во сне, как будто она скачала их в свой аккаунт из моего мозга. Она запостила дюжину фотографий того лета, на которых не только она, но и я с Йеном. Мой взгляд задерживается на одном из фото Йена: улыбка, бронзовая от загара кожа, растрепанные каштановые волосы с золотым от средиземноморского солнца отливом. По бокам стоим мы с Аникой, и он обнимает нас обеих.

«Тогда на острове я обрела лучших друзей! – подписала снимок Аника. – Не терпится узнать, кого встречу на этот раз! Кто получил приглашение – сообщите мне!» Аника отметила на снимке меня и Йена. Значит, она все еще в контакте с ним. Я годами причесывала соцсети Аники в поисках его следов, но то ли Йен стесняется фотографироваться, то ли они больше не вместе. Может быть, она пытается выяснить, приедет ли он. Может быть, она хочет знать, приеду ли я.

Возможно, она даже боится, что я приеду.

В груди вспыхивает искорка, похожая на тот всплеск дофамина, который я ощутила, узнав, что причислена к *избранным*; но этот огонек не гаснет и подогревает темное желание – увидеть, как самоуверенность в голубых глазах Аники сменится растерянностью. Дать ей знать, что избрана не только она? *Могу поспорить, она взбеленится, когда узнает, что меня тоже пригласили.*

«Что за гадкая мысль!» – укоряю я себя. Это все остров. Не успела я ступить на него, а он из-за океана уже пустил в ход свою темную силу. «Зависть мне теперь чужда, – внушаю я себе. – Я вышла из этой гонки».

«Тогда почему ты до сих пор следишь за Аникой? И почему рукопись все еще лежит на столе?»

«Я перестану следить за Аникой и завтра же выброшу рукопись», – отвечаю я себе. Пятнадцать лет я изо всех сил старалась как-то наладить свою жизнь: сменила отца на посту директора музея при университете, поднялась до IV категории в штатном расписании кадров, со всеми полагающимися льготами и пенсионным обеспечением. Мне незачем ехать на край света за призрачным вдохновением, якобы обеспечивающим успех творчеству. Мне нет нужды становиться писательницей.

Уже откладывая в сторону телефон, я замечаю значок, что мне пришло личное сообщение. Оно оказывается от Аники.

«Привет! Думаю, ты слышала, что я опять еду на остров. Надеюсь, ты не расстроилась, узнав, что я вновь приглашена. Помню, что между нами там под конец черная кошка пробежала, но я понимаю, что ты была немного не в себе. Наверное, все мы были немного не в себе. Хочу лишь сообщить, что не таю на тебя никаких обид и была бы искренне рада с тобой увидеться. Чмоки-чмоки! Аника»

Я смотрю на это сообщение, пока буквы не начинают расплываться перед глазами, как пена на гребне волны. «Хочу лишь сообщить, что не таю на тебя никаких обид». Ничего себе! Как будто это я предала нашу дружбу!

Вместо ответа в личке я оставляю комментарий к ее посту: *«Ни за что на свете не упустишь такой возможности. До встречи на острове!»*

Глава третья

Через десять дней я уже сижу в портовой таверне города Волос и жду яхту Аргоса. Перед этим, подтвердив свое согласие по электронной почте, я получила автоматический ответ от секретарши Аргоса Деспины Утис с предложением обратиться в туристическое агентство в Афинах, которому поручено организовать поездку. Меня отвезли на лимузине в аэропорт от самого дома, и я, как пассажир первого класса, в ускоренном порядке прошла все таможенные и пограничные формальности.

В последний раз я летала на самолете на семинар по античной истории в Миннеаполисе. В салоне эконом-класса меня втиснули между бизнесменом, который то и дело задевал меня локтем, и угрюмым мальчишкой, игравшим в видеоигру без наушников. На сей раз меня приветствовали на входе, назвав по имени, проводили до места, больше похожего на личный кабинет, угостили бокалом шампанского и снабдили шелковистой пижамой на случай, если я захочу вздремнуть во время одиннадцатичасового перелета. Все были удивительно любезны! Мой вам совет: если хотите удобств и хорошего обращения, обзаведитесь кучей денег. К моменту прибытия в Афины я успела почувствовать себя причисленной к сонму олимпийцев, коим по рангу положены доброе отношение и нагретые полотенца. Аргос и остров уже простерли надо мной свою чудодейственную длань.

Итак, я сажусь за столик, заказываю греческое пиво «Мифос», которое мне нравится больше названием, чем на вкус, и тут же чувствую, что по спине бегут мурашки, как от чьего-то пристального взгляда. Я оборачиваюсь и вижу сидящего за соседним столиком мужчину лет сорока в брюках цвета хаки и белой свободной рубашке. На столе перед ним блокнот «Молескин», в руке чернильная авторучка, у локтя бутылка «Мифоса»; он что-то пишет, прикрывшись выдавшей виды фетровой шляпой. Он поднимает на меня глубокие карие глаза, и они мгновенно переносят меня на пятнадцать лет назад...

«Вы тоже направляетесь на Эрис? У вас нет ощущения, что мы отплываем куда-то вместе с аргонавтами? Меня зовут Йен».

Всю неделю я следила за аккаунтом Аники – не прокомментировал ли он тот пост, в котором мы оба отмечены, – но тщетно. Видимо, он не поедет, решила я, припомнив, как Йен в конце нашего пребывания на острове сказал: «Надеюсь никогда больше не увидеть этот забытый богом, проклятый кусок скалы».

И тем не менее он здесь.

Может быть, еще не поздно притвориться, что я его не заметила? Может быть, еще не поздно вернуться поездом в Афины и потратить все деньги с кредитных карт на перелет домой? Но нет, Йен уже поднимается с места и приближается, прихватив рюкзачок, как будто решил пересечь ко мне. Не спросив разрешения – а когда он его спрашивал? – он усаживается за мой столик и делает самое скверное, что только может. Он произносит мое имя с той же интонацией, как когда-то...

– *Майя*. До самого конца не был уверен, что ты все-таки приедешь.

– А я была уверена, что тебя здесь не будет, – парирую я, сделав паузу на хороший глоток пива. – Насколько я помню, ты под конец здорово разозлился на Аргоса, обозвав его монстром, а нас – дураками у него на побегушках.

– Фу, – морщится Йен. – Неужели я и правда был таким говнюком? Это риторический вопрос! Каюсь, у меня тогда был период юношеского бунтарства.

– А, так это был только период? – осведомляюсь я, впадая в едкий сарказм так стремительно, словно падаю в теплую ванну – вроде той, в которой Сенека вскрыл себе вены. – А сейчас ты в каком периоде?

Несколько секунд Йен внимательно смотрит мне в лицо, словно пытаюсь отыскать ту девушку, которая когда-то была к нему благосклонна, и, так и не найдя, отвечает:

– В периоде кающегося старца. Узнав, что ты приедешь, я понадеялся на возможность поговорить с тобой и прояснить кое-какие недоразумения.

На миг я оттаиваю под взглядом его карих глаз, но потом до меня доходит смысл сказанного.

– Когда ты узнал, что я приеду? Где ты об этом узнал?

Он вздрагивает, но пытается скрыть смущение, пожимая плечами:

– Где-то в соцсетях.

– Я не пишу постов в соцсетях... – начинаю я и тут же осекаюсь, вспомнив про свой комментарий в аккаунте Аники. Значит, рьяный противник прогресса Йен Дэвис со своим аналоговым ноутбуком и экстравагантной авторучкой следит за событиями в жизни Аники – как и все мои знакомые. Мы еще не успели добраться до острова, а Аника уже вклинилась между нами.

Йен, должно быть, тоже думает о ней. Он окидывает взглядом таверну и спрашивает с деланным безразличием:

– Она здесь? Вы вместе приехали?

– Ха! Вот еще! – фыркаю я, но ловлю себя на том, что тоже осматриваюсь, ожидая увидеть где-нибудь поблизости пламя ее рыжих волос и голубых глаз. Вместо этого мой взгляд задерживается на пожилой даме в белых брюках капри, матросской блузе и шарфе «Эрмес» на голове. Глаза ее скрыты огромными солнцезащитными очками, где я вижу свое отражение в изящной оправе. У меня возникает ощущение, что я посмотрела в лицо горгоне Медузе и обратилась в камень.

– Это же?.. – начинаю я. Дама поднимается с места и движется к нам, катя рядом огромный серебристый чемодан на колесиках, изготовленный из какого-то суперсовременного материала. В другой руке у нее еще одна туго набитая сумка от «Луи Виттон». Вид у дамы такой, словно она только что прибыла сюда с другой планеты или из фильма Феллини пятидесятых годов прошлого века.

– Мия Гулд? – спрашивает она, глядя на меня поверх очков, а затем поворачивается к Йену: – И Йен Дэвис?

Его-то имя она хорошо запомнила.

– Майя Голд, – поправляет ее Йен, вставая и придвигая ей стул со словами: – Рад вас видеть, Оливия.

Оливия подставляет Йену щеку для поцелуя, а затем наклоняется, чтобы поцеловать в щеку меня. Только вместо лобзания я получаю удар по уху дизайнерской сумкой – судя по ощущениям, у нее там плотная пачка бумаги. Видимо, Оливия носит с собой рукопись следующей книги.

– Ну да, Майя – теперь я вспомнила. Ваш литературный дебют после поездки на остров произвел прямо-таки фурор, не утихавший целый год. Как называлась ваша книга? «Жена декана»?

– «Дочь профессора», – поправляет Йен.

– Ах да. В том году вышло много книг со словами «жена, дочь, сестра» в названиях. Ваше произведение попало в список примечательных книг в «Таймс», не так ли? Помню, как я удивилась, что такое милое юное создание умудрилось сочинить нечто настолько... цепляющее. Жаль, что я не в курсе, что вы еще написали.

– Больше ничего, – отвечаю я, ища глазами официанта, чтобы заказать еще пива. – Это была моя первая и единственная книга.

– О! – произносит она в ответ, как будто не в силах представить себе столь низкую производительность труда. Сама Оливия Нокс – настоящая легенда в мире детективной литературы.

Цикл ее произведений о сыщике Моро длится уже двадцать пять лет, и каждая новая книга вызывает бурю восторга у фанатов, хотя отзывы критиков в последнее время были довольно прохладными. Лично я перестала читать ее творения несколько лет назад, потому что сюжеты и ситуации стали повторяться. Однако выносливость, необходимая для того, чтобы в течение двадцати пяти лет сочинять по книге в год, заслуживает восхищения.

Склонившись над столом, Оливия легонько вонзает мне в тыльную сторону ладони кончики ногтей.

– Все дело, наверное, в той шумихе, которая поднялась вокруг вашего дебютного произведения? Помню, как я беспокоилась за вас. Я ведь сразу поняла: добром это не кончится. Не сомневаюсь, Аргос хотел как лучше, когда задействовал свои связи в «Таймс». Но иногда чрезмерный успех вредит начинающим. Их может парализовать страх, что вторая книга не будет пользоваться таким успехом.

Серьезно? Она полагает, что хвалебную статью в «Таймс» продал Аргос?

– Да, бедная Майя! – Йен жестом подзывает официанта и заказывает нам всем по новой: себе и мне по «Мифосу», «Апероль спритц» для Оливии. – Мне стало просто страшно за тебя, когда я увидел ту блестящую рецензию в «Таймс». Думаю, вы никогда не сталкивались с такой проблемой, Оливия.

– Что?! – Глаза Оливии не видны за зеркальными стеклами, но лицо ее подергивается от предполагаемого оскорбления. – Рецензии в «Таймс» на мои книги всегда были самыми восторженными...

– Что вы, я просто хотел сказать, что у вас никогда не было проблем с сочинением очередной книги. Которую по счету вы написали? Двадцать пятую? Тридцатую?

– Я только что закончила двадцать пятую книгу о сыщике Моро, – переводя дух, отвечает Оливия. – Чудесная команда издательства «Полсон Пратчетт» уже готовит юбилейное издание, где страницы будут с серебряным обрезом – в честь серебряного юбилея, понимаете? Вот как чутко они ко мне относятся. А вы, Йен, все еще продолжаете тот причудливый исторический цикл, кажется? Сыщик Аристотель...

– Пифагор, – поправляет он. – Сыщик Пифагор. Только не я, а мой отец. Божь, что я, как и Майя, оказался способным произвести на свет лишь одно детище. Однако я не могу отнести отсутствие второго на счет оглушительного успеха первого. Издатель выпустил мой первый опус ограниченным тиражом, как секретный документ для служебного пользования.

На миг утратив бдительность, я смеюсь – *ну почему на мне нет таких темных очков, как у Оливии!* – а Йен смотрит на меня взглядом, который мгновенно переносит меня на пятнадцать лет назад, превращая не в камень, а в жидкую лаву.

Откуда-то издалека до меня доносится голос Оливии:

– Ой, смотрите!

Краем глаза я вижу, что она указывает на море, как будто предупреждая о надвигающемся цунами. И лишь когда она произносит: «Вон она, ваша подруга Аника!» – мы с Йеном отрываем взгляды друг от друга. Не могу точно сказать, кто первым.

«Да и какая разница?» – спрашиваю я себя. Мы всего лишь исполняем *пародос* – вступительную песнь хора в древнегреческой трагедии перед выходом главных героев. Зато каков выход! В гавани появляется шикарная моторная яхта из тикового дерева. На обоих бортах у носа судна изображено по широко раскрытому голубому глазу. На носу, подавшись вперед, как резное украшение, помещаемое там по древней традиции, стоит женщина, и встречный ветер красиво отбрасывает назад ее рыжие локоны. Это Аника. Прибыла главная героиня.

Глава четвертая

По дороге к причалу к нам присоединяется низенький мужчина средних лет с завитой челкой, но уже редящими волосами. На нем желтая ветровка, за спиной вещмешок, в руке холщовая сумка с логотипом Общества изучения античности.

– Сидней? – восклицает Йен и с такой силой хлопает его по спине, что тому едва удается устоять на ногах. У меня возникает подозрение, что Йен нарочно переусердствовал: между ними в прошлый раз были какие-то нелады. Но даже если так, Йен смягчает свою выходку восторженным возгласом:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.